

18+

ПРЫЖОК

В ВЕЧНОСТЬ



Ульяна Матвеева

Ульяна Матвеева

Прыжок в Вечность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58859833

ISBN 9785005147059

Аннотация

«Прыжок в Вечность» – это история, в которой многие найдут себя. Мечтая о встрече с родной душой, часто мы оказываемся не готовыми к изменениям, сопровождающим эти отношения, тем самым искажая их истинную природу. В период глобального пробуждения человеческого сознания глубокое понимание происходящих внутри нас процессов является ключом к высшим сферам мироздания. Пусть путешествие по страницам этой книги станет для вас медитацией, ведущей туда, где вас давно ждут. Полетели?

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	35
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Прыжок в Вечность

Ульяна Матвеева

© Ульяна Матвеева, 2020

ISBN 978-5-0051-4705-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

«В любви нет греха.

И в ней не может быть ошибки...

Готовы ли вы подойти к краю земли, повернуться спиной и доверчиво упасть в объятия Вселенной? По пути с вас будут слетать прежние представления о себе и о том, что вы знали прежде. А в освободившееся пространство будет вливаться свет из сердца космоса, преобразовывая вас для встречи с безусловной любовью, которая разделит жизнь на «до» и «после».

«Прыжок в Вечность» – это история, в которой многие найдут себя. Мечтая о встрече с родной душой, часто мы оказываемся не готовыми к изменениям, сопровождающим эти отношения, тем самым искажая их истинную природу. В период глобального пробуждения человеческого сознания глубокое понимание происходящих внутри нас процессов является ключом к высшим сферам мироздания. Я предлагаю вам отложить на время повседневные заботы и погрузиться в себя, держа в руках эту книгу. Пусть путешествие по ее страницам станет для вас медитацией, ведущей туда, где вас давно ждут.

Полетели?»

Ульяна Матвеева
09 сентября 2020г.

Глава 1

Ежевичные облака ночного неба рассеялись и обнажили тонкий силуэт молодой луны, словно упавшей на спину и залюбававшейся бесконечностью космической бездны. Вслед за ней, Камилла заглянула в небесную глубину и задержала взгляд на самой яркой звезде, что видна из любой точки земли. Ее завораживающее мерцание отражалось в больших доверчивых глазах, освещая блеск притаившихся слез. А серебристые контуры облаков, уплывающих в дали океана ночи, омывали, подобно пене морской волны, бескрайние берега пробуждающегося сознания.

Пылающие искры напряженного дня растворялись во влажной полуночной прохладе мая, а пепел ссор ловко подхватывал и уносил на своих крыльях свежий ветер, попутно лаская горящие щеки и обнаженные плечи красивого женского тела. Чувствуя, как возвращается душевное равновесие, Камилла оглянулась назад и облегченно вздохнула. На сатиновых простынях дрезденского отеля, раскинув руки, мирно спали дети, напоминая двух звездочек. Чуть поодаль, свернувшись калачиком, спал муж, утомившись от привычной бессонницы. Даже во сне Максим сохранял сдержанность, которая бесцветной пеленой стояла между ним, Камиллой и самой жизнью, скрывая многообразие ее палитры цветов и оттенков. Она родилась вместе с ним

и не спешила уходить, несмотря на многочисленные попытки супруги открыть для него мир чувственных удовольствий. Глядя на все сквозь толстые линзы бесстрастности и хладнокровия, Максим надежно защищал себя от эмоциональных вулканов, надолго поселившись, тем самым, в засушливых просторах обыденности. Его живописным оазисом с первых дней знакомства стала Камилла, но с годами супружеской жизни он все чаще предпочитал бродить в одних и тех же песках, не замечая обожженных стоп и потрескавшихся губ. Начавшийся отпуск, который организовала Камилла, был одной из попыток что-либо изменить, и Максим понимал это. И равнодушно пожимал плечами, наблюдая за вдохновенными сборами в их первое после рождения младшего сына семейное путешествие. Шум, гам и веселье лишь усиливали ощущение пустоты и одиночества, которое втайне от себя самого призывал Максим. Усталость от однообразия накрывала его все сильнее изо дня в день, но при этом он стремился к его сохранению. Он ждал... чего-то ждал, не придавая ожиданиям четкие очертания. Что-то должно было произойти. И, щурясь от знойного сухого ветра, Максим продолжал вглядываться в линию горизонта, стоя спиной к оазису и как-то позабыв о его существовании.

Невольно сжав плечи, Камилла вновь повернулась к распахнутому окну, с которого струился разреженный воздух с тонким, едва уловимым ароматом любви. Каждое наступление ночи приносило шепотку волшебства, которого ей

мучительно не хватало в повседневной жизни. Она ценила и ждала тот час, когда город опускал веки и погружался в таинственную глубину, которую не разглядеть при свете шумного дня. И, оставив на поверхности все лишнее, Камилла ныряла вместе с ним, черпая в свободном падении силы для нового дня.

Она научилась этому еще в раннем детстве. Потеряв маму в схватке с болезнью, Камилла отчаянно искала любую соломинку, за которую можно было бы ухватиться, чтобы не упасть в водопад боли. Младшая сестренка, которая в свои три года уже знала и понимала больше, чем большинство первоклассников, стала главным источником любви, обнимая Камиллу при любом удобном случае. А ночью, когда в доме звенела пугающая тишина, Камилла вставала с постели и выходила на балкон в поисках убежища от внутренних демонов. И в какой-то момент ей почудилось, что с одной из звезд к ее ногам спустился мост. Должно быть, его «нарисовали» слезы, отразив серебряный свет небесных светил. Но девочка решила, что этот мост ведет ее к маме, к ее новому дому и впервые за долгое время улыбнулась. С тех пор, несмотря на то, что прошло уже тридцать лет, Камилла каждую ночь совершала тайное путешествие по призрачному мосту в собственное сердце, где продолжала жить ее мама. И сейчас, спрятавшись, как за ширмой, за шифоновым тюлем от нерешенных проблем, она обратилась к ней, прошептав беззвучно губами: «Здравствуй, мама... Видела бы

ты, как сегодня радовался Никита! Летел, совсем как взрослый, на большой железной птице, и все улыбался и шутил. А Аня, глядя на него, сама будто оттаяла, и снова стала к нам как-то ближе. Один Максим, по-моему, не рад. Я все искала в нем хотя бы малейшие проявления удовольствия, но не нашла. Почему так, мама?.. А завтра мы поедем в настоящую крепость. Дети уже успели изучить все, что только можно найти в интернете, о том, кто там жил и что делал. Такие забавные... А мне... почему-то все равно. Может, это Максим на меня так влияет, но смотрю на него и начинаю даже понимать иногда. И это пугает... Ведь жизнь, она такая красивая! А он не замечает. Как папа. Он так и живет один, стал еще более молчаливым. Наверное, он тоже с тобой часто разговаривает. Может, расскажешь, почему он не видит нас? Прости, я не это хотела сказать. Я люблю тебя, мама...».

Эти слова так и остались там, в струящемся голубом шифоне, соединившись с музыкой ветра и начинающегося дождя. Максим, повернувшись на другую сторону постели и соприкоснувшись с ее прохладой, открыл глаза и увидел Камиллу, которая тут же скрылась за дверью ванной комнаты. Вскоре послышался приглушенный шум воды, а через некоторое время раздался звук, похожий на звон кафельной плитки. Он хотел было дождаться возвращения Камиллы, но она не выходила. Тогда Максим решил разобраться с подступающими к горлу тревожными мыслями и без стука распахнул дверь. Прямо перед ним на полу сидела Камилла,

держа на ладони его свадебный подарок – кулон с аквама-
риновым кристаллом в форме сердца в сверкающем облаке
из цианитов, в центре которого образовалась заметная тре-
щина. Она обернулась и, встретившись взглядом с мужем,
виновато опустила глаза. Ее руки дрожали, но Максим не об-
ратил на это внимание.

– Пойдем спать, – произнес он после некоторого молча-
ния. – Надо будет – подарю еще.

Но ей не нужно было «еще». Привыкшая замечать зна-
ки и символы во всем, что ее окружает, Камилла не могла
не увидеть в случившемся предупреждения о том, что при-
ближается к их семье.

– Застежка порвалась, – начала оправдываться она перед
мужем. – Я задела полотенцем и... Как думаешь, его полу-
чится спасти?

– Вряд ли, – мельком взглянув на кулон, ответил Максим,
не догадываясь о том, что Камилла в большей степени имела
в виду их брак. – Идем.

Он протянул ей руку и помог встать. Разбитый кулон
остался у зеркала, в котором отражалось больше, чем виде-
ли глаза.

Глава 2

На рассвете с первыми розовыми лучами солнца в светлую комнату отеля проник сон. Он не был похож ни на кого из своих предшественников и нес в себе всего один образ, но он знал, что поселится в памяти Камиллы навсегда. И потому, с озорной улыбкой и предвкушением своего выхода, он шмыгнул под одеяло, прямиком на сцену сновидений. Камилла в это время видела привычные картины будней, которые не менялись и в ее снах. Она спешила на работу, не замечая ничего вокруг, кроме круглого циферблата на левом запястье. Вдруг она почувствовала, что кто-то берет ее за руку. Не успев поднять глаза, она словно полетела в самое сердце вселенной, не успевая считать проносящиеся мимо созвездия и все еще касаясь чьей-то ладони. Через несколько мгновений Камилла освоилась и начала управлять своим первым полетом, поражаясь собственной уверенности. Она взглянула на своего спутника, но не смогла разглядеть лица, лишь глаза – глубокие, темные глаза, в которых хранилось что-то очень важное и близкое ей. Непроизвольно сжав его руку, она почувствовала, как от этого прикосновения по ее телу разливается нежность в кристально-чистом свете, в котором отражалась ее собственная душа. Камилла замерла, едва дыша от волнующей магии этого момента. Она остановилась и... открыла глаза.

– Мама, ты не спишь? – услышала она голос Никиты и осторожно приподнялась на локте, стараясь не разбудить Аню.

– Уже нет, – с улыбкой прошептала Камилла. – Хочешь, прогуляемся немного, пока остальные спят?

Они первыми вошли в просторный светлый зал в графитовых оттенках и огляделись. Изысканная простота пришлась им по вкусу и, не сдерживая нахлынувшего детского восторга, Камилла с сыном отправились на поиски круассанов с шоколадом и лепестками миндаля, к которым оба питали особую привязанность. Отыскав их среди корзин со множеством видов ароматной выпечки, Никита набрал полную тарелку и отнес на дальний столик у окна, позабавив мать своей непосредственностью.

– Там хоть что-нибудь осталось? – спросила она, с наслаждением делая первые глотки утреннего капучино.

Никита оттопырил мизинец вверх и со всей серьезностью произнес:

– Он не поместился.

Камилла рассмеялась, очарованно глядя на маленького мужчину, так похожего на своего отца. Когда дело касалось любимых блюд, Максим тоже мог съесть все, удивительным образом оставаясь в отличной форме. Еда приносила им особенное удовольствие и являлась территорией, где чужаки не имели ни малейшего влияния. Иными словами, их мало заботило то, что подумают другие, когда речь заходила о том,

что они действительно любят.

После завтрака, Камилла с Никитой спустились в холл, чтобы узнать, есть ли поблизости ювелирная мастерская. Камиллу не покидало удушающее беспокойство, вызванное разбившимся украшением. Разузнав у консьержа адрес ближайшей мастерской, Камилла немного успокоилась: кажется, все под контролем. Но когда они вернулись в номер за зонтами и сумочкой, она ощутила головокружение, похожее на то, что возникает при покачивании на морских волнах. Заметив на себе взгляд Никиты, Камилла быстро закончила сборы и поспешила отправиться по адресу, записанному на отрывном листе блокнота с символикой отеля.

К досаде рыжеволосого мальчугана, мастерская оказалась намного ближе, чем он рассчитывал. Ему хотелось, как следует, рассмотреть улицы и проспекты незнакомого города, который представлялся ему сокровищницей древних тайн. Рельефы знаменитых исторических сооружений вызывали страх и благоговение одновременно. Словно впиваясь в небо острыми потемневшими от пожаров иглами, они манили своей мрачной красотой и величием, приглашая окунуться в прошлое.

Невысокие здания из кремового песчаника и пышными цветниками на подоконниках напоминали Камилле о медовом месяце, проведенном на Сицилии. Ей даже почудилось, что по ее руке снова течет фисташковое мороженое под летним зноем, а Макс, забавно хрюкнув, протягивает ей сал-

фетку. Разница восприятия мужа в те беззаботные времена и сейчас больно кольнула Камиллу. Семейное тепло испарялось с каждым днем, выдуваемое сквозняками усталости от непонимания. Но Камилла не сдавалась. Она найдет способ все вернуть, даже если ей придется в одиночестве бороться со стражниками сердца Максима.

Они подошли к небольшой лестнице, ведущей вниз. Осторожно спускаясь по узким ступеням, Камилла старалась не замечать гулко-го стука в грудной клетке, словно в ней билась птица, отчаянно пытаясь выбраться на волю. Она осторожно толкнула дверь плечом и через секунду очутилась в коридоре с единственным поворотом, за которым пугающая темнота рассеивалась, уступая место уютному светлomu помещению со множеством настенных светильников, двумя мягкими креслами и причудливому колокольчику на антикварной тумбе между ними. Никита тут же схватил его и проверил на звонкость, от чего стоявшая к нему спиной Камилла подскочила от неожиданности. Она резко обернулась и встретилась лицом к лицу с мужчиной, который спокойно улыбнулся ей одними глазами, сохраняя нижнюю часть лица неподвижной.

– Хорошо, что здесь высокие потолки, – не удержался он, полагая, что его шутка останется без перевода. Камилла же, услышав русскую речь, немного расслабилась, хотя и чувствовала себя довольно странно. Как бы ни старалась она сконцентрировать внимание на происходящем, но невиди-

мая сила стирала ей память, заполняя голову туманом, а ноги – ватой. Камилла смотрела в эти смеющиеся глаза и... тела, как в своем утреннем сне, погружаясь в глубину памяти души, которая, наконец, отыскала потайной ход, никем не охраняемый, и разминала затекшие крылья. Что-то важное происходило в эти секунды... Она перестала быть Камиллой, и даже словно бы никогда ею не была. Все потеряло значение и стало таким крошечным, что грозило и вовсе исчезнуть из поля ее восприятия. В соседней комнате слышались шаги, и эти звуки послужили своего рода веревкой, по которой Камилла вернулась в тело. Смутившись, она криво улыбнулась в ответ и спросила:

– Вы мастер?

На лице незнакомца промелькнуло удивление, после чего он рассеянно покачал головой. Он хотел что-то сказать, но передумал и сосредоточился на рекламном буклете, лежавшем на ограждающей стойке, в то время, как подошел пожилой мужчина в очках и клетчатой фланелевой рубашке. Мужчины заговорили по-немецки, неоднократно указывая на старинные золотые часы, что лежали между ними. Камилла плохо понимала немецкую речь и надеялась, что знание английского ей поможет.

– Вам помочь? – вдруг обратился к ней русский мужчина, и тут же добавил: – Я могу объяснить и перевести, если хотите.

– Да, благодарю Вас, – ответила она, стараясь не замечать

внутреннего волнения от тембра его голоса. Камилла постаралась даже рассердиться на себя за эту слабость, что на время помогло переместить внимание на то, для чего она пришла. Она вынула из кармана кулон и положила его на свою руку. — Его нужно спасти.

Как в замедленной съемке, мужские пальцы соприкоснулись с теплом женской ладони. В невидимом пространстве лучи, исходящие из их тел, вспыхнули ярким фиолетовым пламенем, выбивая почву трехмерного мира из-под ног. Ювелир в клетчатой рубашке видел перед собой обыкновенный жест и лицо красивой женщины, в котором читалось спокойствие и отрешенность. Ветер, игравший с листьями мандаринового дерева, украшающего угол между окном и креслом, уловил силу притяжения в центре комнаты, которая помешала его озорной задумке набросить прядь волос на кончик носа. Ангелы кружились вокруг любимых душ, выражая таким способом наивысшее счастье от предстоящих перемен. А Камилла видела... себя... Те же самые глаза, что и во сне, явились для нее распахнувшимися вратами в собственное сердце. Она тонула в них, взлетая к вершинам, не понимая умом, что происходит. Все точки жизни соединились в одно целое, погружаясь в которое, обнаруживалось что-то еще, раскрывая новое и новое, до бесконечности. Словно молекулы, они составляли целостную клетку единого организма, который дышал любовью, пропуская ее мягкий, обволакивающий поток в каждый атом, раскрываю-

щийся подобно цветку в предчувствии рассвета. Кристалл, сверкнувший аквамариновым светом в сжимающей его руке незнакомца, напомнил Камилле о задаче, поиски решения которой привели ее именно сюда... А очередной звон колокольчика разрезал тишину на части, вновь разделив вечность на молекулы.

Камилле стоило больших усилий возвращение своего внимания, которое, то и дело, непослушно разлеталось по всему свету. Она медленно повернула голову к Никите и взглядом попросила его перестать.

– Я бы на Вашем месте сделал из него серьги, – задумчиво произнес мужчина, всматриваясь в поврежденное изделие. – Украшение уже никогда не станет прежним, как бы мастерски ни выполнил свою работу ювелир. А так Вы из одного изделия сделаете два, пусть небольших, но не менее прекрасных. Смотрите, трещина как раз проходит по центру, что позволит разделить кристалл практически пополам.

Разделение не входило в ее планы. Одна даже мысль об этом острой льдинкой вошла в область солнечного сплетения и погасила зарождающееся волшебство. Она подумала о Максиме и болезненно сжалась, окутываемая нарастающим страхом.

– Этот вариант мне не подходит, – ответила она чуть резче, чем хотела. – А Вы тоже ювелир?

– Не совсем. Лет десять назад я подрабатывал реставратором украшений. Это было моим хобби... Ну и возможно-

стью дожить до зарплаты, – усмехнулся незнакомец.

– Может, Ваш коллега смог бы помочь, – Камилла кивнула в сторону пожилого мужчины, который протирал очки, чтобы взглянуть на кулон. – Не подумайте только, что я не доверяю Вашему...

– – сказал тот. **Arthur, was ist das? Gib es hier** {-Артур, что там? Дайте сюда},

Артур... Камилла робко попробовала одними губами произнести это имя, будто пробуя его на вкус. И тут же спохватилась, потупив взгляд, стараясь скрыть свои чувства, которые приятно обжигали изнутри. Пока мужчины общались между собой на немецком, Камилла подошла к Никите, который теперь сидел на кресле и нетерпеливо болтал ногами.

– Пойдем уже! Ты обещала крепость сегодня, – сказал он с капризной ноткой, когда она присела на корточки рядом с его коленями и поправила воротник льняной рубашки. Камилла пообещала скоро закончить и вернулась к Артуру и его собеседнику.

– Ну что, есть другие варианты? Что сказал мастер? Он покачал головой.

– Примерно то же, что и я, только предложил купить новое и не заморачиваться. Понимаете, тут непростой случай и трудозатраты любого ювелира могут Вас разорить, поскольку проще сделать с нуля, чем исправлять старое. Но тут решать Вам. В общем, он отказался.

– А Вы? – с тающей надеждой спросила Камилла, – Вы

возьметесь за это?

Артур вздохнул:

– Я давно этим не занимаюсь. Сейчас я преподаватель, у которого практически нет свободного времени. К тому же, я живу не здесь, а в России, откуда Вы, как я понимаю, родом, – он мягко улыбнулся ей извиняющейся улыбкой. Несмотря на свое нежелание ввязываться в это дело, Артур хотел продолжить разговор, который вызывал в нем странные чувства. Будучи кандидатом психологических наук, он стремился разбирать каждую эмоцию «по полочкам», но то, что он испытывал, общаясь с Камиллой, не поддавалось быстрой расшифровке. И он тянул время, проявляя, как он объяснил себе, профессиональное любопытство.

Кто она? Почему он чувствует боль, спрятанную по ту сторону безбрежных озер ее дымчатых глаз, в зеркальной поверхности которых он видит свое отражение, и в которые он мог бы проникнуть, чтобы постараться отыскать корешки этой боли и разгадать ее тайны... И, возможно, остаться там навсегда.

– Я пробуду здесь до конца месяца, – вдруг сказал Артур, не поспевая как следует обдумать произносимые слова. – Постараюсь успеть, если для Вас это действительно важно.

– Важно. Не считите за чокнутую, просто это подарок... – начала оправдываться Камилла, как вдруг спохватилась: – Только ведь мы уедем в субботу! А Вы сможете отправить

по почте? Я сейчас оставлю адрес, – и, аккуратным подчерком указав на своей визитке почтовый адрес, протянула ее Артуру.

– Камилла... Какое красивое имя! Вам подходит, – добродушно сказал Артур, ощущая, как расстояние между ними заметно сократилось. Затем, прочитав остальную информацию, он расхохотался: – Мало того, что мы с Вами земляки, так Вы еще и преподаете в том вузе, где я учился! Давайте сюда, попробую помочь. Денег не возьму, не беспокойтесь, со своих не берут. Угостите потом как-нибудь обедом в студенческой столовой, хочется вспомнить молодые годы...

– Вы серьезно? – опешила Камилла.

– Вполне, – шутливо ответил Артур. – Вам этого пока не понять, Вы сейчас находитесь в той чудесной поре, в которую потом будет хотеться вернуться все сильнее с каждым годом. Сколько Вам? Двадцать три? Двадцать пять?

– Почти, – усмехнулась его прекрасная собеседница, стараясь оставаться на прежнем месте, несмотря на неоднократные попытки сына вытянуть ее за руку на улицу. – Только прибавьте еще двенадцать. За комплимент благодарю! – и, уходя, добавила тихо и с нежностью в голосе: – И большое Вам спасибо за помощь. Даже если ничего не получится.

Глава 3

Едва стеклянная дверь закрылась за спиной, Камилла почувствовала себя увереннее. Словно ничего и не произошло, словно не спускалась она по этим узким ступеням каких-то пять минут назад, если верить цифрам на экране мобильного телефона. Может быть, это все привиделось ей в том же сне, а мозг просто запутался... Она вновь вынула из кармана серебристо-сиреневого плаща записку с адресом и задумалась. Никита, которому не терпелось поскорее увидеть новые места, тянул ее вторую руку то в одну сторону, то в другую. А Камилла растерянно стояла в центре незнакомого мегаполиса, не замечая движения других людей и разноцветных автомобилей. Все нити, связывающие ее с привычным миром, спутались в сложном узле, который предстояло распутать, чтобы вернуть то, что осталось за дверью.

Мимо нее пролетела стая голубей. Провожая их взглядом, Камилла заметила, как из-за крыши выглянуло солнце. Россыпь золотисто-розовых бликов украсила мостовую, скользнула по молодым листьям высоких дубов и опустилась на плечи Никиты. Переполняемая нежностью, она обняла его, будто обнимая само солнце. Никита в ответ прижался к матери, возвращая ей ласку. Это помогло ей вернуть несколько разбросанных пазлов прежней жизни по местам, рассеивая загадочный туман, в который облачился го-

лос прошлого.

Когда они вернулись в отель, Максим уже одевался. Аня заплетала волосы, точь-в-точь, как мама, и рассматривала свое отражение. Вглядываясь в свои темно-серые глаза, унаследованные от Камиллы, она пыталась прочесть в них что-то, что помогло бы понять себя. Вступление в переходный возраст давалось ей непросто. Казалось, что детство осталось навсегда за бортом, а впереди простиралась мгла, укрывшая некогда знакомые горизонты. Все простое стало очень сложным и требовало тщательного анализа и пересмотра новым взрослеющим взглядом. А трепетное сердечко все так же мечтало о заботе и ласке родителей, которых так отчаянно прогонял из жизни разум.

Увидев в зеркале маму, Аня смутилась, ссутулилась и сделала вид, что пытается вытащить соринку из глаза. Камилла, мало что замечая этим утром вокруг, обменялась парой фраз с родными и скрылась под потоками прохладного душа.

Дорога к крепости Кенигштайн, о которой несколько месяцев мечтал Никита, оказалась гораздо более короткой, чем они ожидали. В начале пути они с интересом смотрели сквозь открытые окна арендованного внедорожника, жадно впитывая все, что попадало в их поле зрения. Но вскоре, свернув на автостраду, дети уснули, а Камилла сделала вид, что изучает карту, просматривая один и тот же отрезок несколько минут.

– Что ты там пытаешься найти? – наконец, не выдержал

Максим, наблюдая за женой. – В нашем веке за тебя думают навигаторы. Подай, пожалуйста, футляр с очками в бардачке, в правом углу.

Камилла сложила карту и потянулась за бутылкой воды, что лежала в дверце.

– Открыть? – спросила она, ухватившись за пластиковое горлышко. Максим, обгоняя грузовик, кивнул и потянулся за очками, чуть не пролив воду на сидение.

Бросив на Камиллу сердитый взгляд, он промолчал, пребывая в раздражении до конца пути. Как можно быть такой рассеянной? Она и раньше, бывало, путалась в словах и действиях, а сегодня превзошла саму себя. Воспитанный в строгости, Максим привык уважать и ценить порядок во всем, находя в нем желанный покой. Стоило чему-то выбиться из строя, как он тут же бурно реагировал и стремился во что бы то ни стало вернуть все по своим местам. И только потом облегченно выдыхал и продолжал заниматься привычными делами, давным-давно ставшими бесцветными от спертого воздуха его упорядоченного пространства.

Завидев крепость издали, Камилла воскликнула: «Смотрите!». Дети проснулись и, как только папа припарковался на автостоянке, выскочили из машины и побежали вперед, несмотря на достаточно крутой склон. Подойдя вплотную к величественным каменным стенам высотой до двухсот сорока пяти метров, они встали, задрав головы, в молчаливом восхищении. Было что-то особенное в этом моменте. Слов-

но они стояли на границе истории и каждый следующий шаг будет отбрасывать их назад, во времена саксонских королей и герцогов. Максим с детьми отправился за билетами, а Камилла осталась одна у входа, наблюдая за удаляющимися фигурами членов ее семьи. К ней снова и снова возвращалось необычное ощущение чего-то незнакомого, покачивая ее мировосприятие, как на мягких волнах. И это не причиняло никакого беспокойства, напротив, манило к погружению в глубину, растворяясь в ней и становясь ею. И, когда оживленное семейство вернулось с картонными билетами, зажатými между пальцев, Камилла приняла решение поддаться зову и позволить себе увидеть то, что, по ее мнению, укажет путь к переменам. Но не сейчас. Сейчас она нужна была целиком и полностью здесь, веселой мамой и женой, создавая атмосферу беззаботности и украшая детство детей яркими воспоминаниями.

Они прошли по каменному подвесному мосту и вошли в ворота. Взяв мужа за руку, Камилла подошла к самому краю крепости. От высоты и величия захватывало дух. Под ними проплывали легкие, полупрозрачные облака, а под ними простирались живописные рапсовые поля, лента Эльбы, за которой начиналась Чехия, и маленькие городки в долине реки. Прямо под ногами пролетела чайка, а за ней еще несколько. Наблюдая за их полетом, Камилла на мгновение почувствовала себя птицей, взмахивающей сильными крыльями и рассекая ими воздух, набирая высоту. Одновремен-

но с этим, она ощущала себя и рекой, отражающей небо, и деревьями, по корням которых протекала энергия из недр земли, поднимаясь к макушкам... Она стала всем – всего на несколько секунд, измеряемых вечностью. Камилла удивленно наблюдала за изменениями в теле, казавшимися чем-то нереальным и невозможным. С ее глаз словно исчезла пелена, будто окна с мутными стеклами, наконец, распахнулись, и краски мира стали яркими и сочными. Где-то меж измерений, иногда мелькали едва уловимые формы, цвета, запахи, дразня и маня ее, то появляясь, то исчезая... Камилле удалось поймать быстро промелькнувшую мысль о том, что настолько живой она была впервые. И что, как прежде, уже не будет.

– Мама, смотри, какая пушка! – воскликнул Никита и, смешно нахмурившись, принялся играть в артиллерию. Вскоре к нему присоединились двое других мальчишек и увлекли его в новую игру по завоеванию замка.

Камилла с улыбкой наблюдала за ним и за Аней, которая воспользовалась паузой, чтобы побыть наедине со своими мыслями. Она немного отошла в сторону и задумчиво вглядывалась вдаль. Камилла залюбовалась ею, стараясь не подавать виду, что наблюдает за дочерью. Максим, изучив таблички с историческими данными этих мест, подошел к супруге и спросил:

– О чем задумалась?

Камилла повернулась, встретила с ним глазами и быст-

ро отвела взгляд. Готовая делиться с ним всем на свете еще вчера, она вдруг испытала дискомфорт от появления Максима в ее личном пространстве. Хотелось укрыться с головой и еще немного побыть в одиночестве, но такой возможности не было. Она нехотя ответила:

– О том, как быстро растут дети. Только посмотри на Анюту. Маленькая женщина, не догадывающаяся о том, как она прекрасна. Она будто стесняется себя все время. Я думаю, как подобраться к ней поближе и попробовать помочь справиться со смущением.

– А надо ли? Время само справится с этим и расставит все по местам. Вспомни себя в ее возрасте. Наверняка, тебе тоже хотелось поскорее отделиться от родственников и попробовать свои силы. Я бы лучше не лез к ней пока. Думаю, она придет, когда захочет нашего участия. И Никите бы поменьше внимания. А то вырастет изнеженной барышней.

Камилла сверкнула глазами. Ставни с мутными стеклами вновь с шумом закрылись перед нею.

– По-твоему, настоящими мужчинами становятся только в спартанских условиях? Он еще совсем ребенок, ему нужно много любви для гармоничного развития. И от отца бы тоже не помешало внимание.

Максим вспыхнул еще быстрее:

– А я, по-твоему, его не уделяю? Если я не бегаю кудахтающей курицей вокруг своего выводка, подобно тебе, это не означает, что я не участвую в воспитании. Меня роди-

тели воспитывали совсем иначе. Никаких сюсюканий, никаких часовых бесед, и ничего. Они работали с утра до ночи, а сестре было не до меня. Поскучал немного и занялся своими делами. А ты своим подходом делаешь их избалованными и требовательными.

Загоняя обиду поглубже, Камилла сделала небольшую паузу, чтобы не поссориться. Затем плавно выдохнула и ответила:

– Меня отец тоже не очень-то баловал. После смерти мамы мною мало занимались, но я отдала бы все на свете за порцию любви от него. Ему, наверное, тоже казалось, что так он воспитает самодостаточную дочь без лишних сантиментов, но я видела и ощущала на себе, как он ошибается. Убивать чувственность – преступление. Это все равно, что вкопать забор между своим ребенком и Богом, вместо того, чтобы познакомить его с ним через любовь. И, если ты не хочешь этого делать, то хотя бы не мешай мне.

В это время подошел Никита и попросил воды. Максим в раздражении смотрел на сына и ненавидел себя за свои чувства. Глубокая детская рана, о которой он старался забыть, была вскрыта и болела, затуманивая разум. Он жаждал справедливости, ища в нем исцеление. В то время, как исцеление хранилось в любви, томившейся в закрытом сердце.

На протяжении всего пути в отель, в машине царил молчание. Для Ани оно было привычным и комфортным, и она с удовольствием пользовалась моментом, чтобы на фо-

не мелькающих машин автобана продолжить путешествие по внутреннему миру. Никита утомился от долгой ходьбы и бега по спускам и подъемам внутри крепости и сладко дремал. Максим направил все внимание на дорогу, желая поскорее забыть неприятный спор с Камиллой. А Камилла пыталась отыскать калитку в сознании и вновь погрузиться в сказку, которая отныне была для нее более реальной, чем все, что она знала прежде.

Глава 4

Что это было? Те дни долгожданного отпуска, что утекли сквозь пальцы, как ни старалась Камилла наполнить ими ладони и освежить лицо, смыв с него разочарование... Один за другим, перед ней сменялись пейзажи, здания, люди, а внутри все словно застыло, и даже крик не мог прорваться сквозь плотное пространство ожиданий. Она все смотрела на Максима и взглядом просила его: «Впусти!». Но он не желал замечать и лишь в очередной раз проверил надежность замков, охраняющих его внутренний мир от чужаков.

В конце концов, наступил момент, когда Камилла сдалась. Отрываясь от земли, крепко пристегнутая к креслу самолета ремнем безопасности, она отрывалась и от мужа, с удивлением обнаруживая прилив сил к ослабленному борьбой телу, и тотальное спокойствие. Будь, что будет. А сейчас – неоновые облака, в которых так хотелось раствориться навсегда. И никакие ремни не способны были удержать вырвавшуюся на волю душу, улетевшую туда, где рождается новый день.

Максим посмотрел в иллюминатор и залюбовался точным профилем жены. Ее губы дрогнули в улыбке, и по лицу растекались покой и сияние. Он вспомнил, как впервые любовался ею спящей на втором свидании, когда она уснула на его плече под утро на парковой скамье под тусклым фонарем в густых ветвях тополя. Максим подавил в себе же-

ление прикоснуться к ее мягким волосам и потерять в их блеске накопленную тяжесть прожитых лет семейной жизни. Вспоминая себя в юности, он недовольно поморщился. Возвращаться к тому незрелому состоянию, когда любая мелочь могла выбить из равновесия, он не желал больше никогда. Это означало разрушить мир, который Максим годами выстраивал в себе, наполняя его удобством и укрепляя стены, и вновь очутиться на холодном ветру без одежды, как он ощущал себя в молодые годы. Камилла жаждала этого – он понимал, но все больше воспринимал ее как врага, который покушался на его комфорт. И, несмотря на теплые чувства к ней, продолжал держать дистанцию до тех пор, пока ее попытки не завершатся.

– Папа, а долго нам еще лететь? – спросил Никита. Он обожал самолеты и мечтал о том, чтобы этот полет длился вечно. Ну или хотя бы еще пару часов.

Максим посмотрел на часы и ответил:

– Минут через двадцать начнется посадка. Потерпи немного.

Никита вздохнул и повернулся к сестре. Аня что-то записывала в своем блокноте с кружевом и лентами, о котором знал только Никита. В нем хранились девичьи переживания и первые стихотворные строки, как правило, робко выглядывающие неровным почерком из внутренних уголков дневника. А рядом с ними причудливым узором закручивались чернильные спирали, становясь рамкой для стихотворений,

словно бы добавляя защиты от посторонних глаз.

– Что пишешь?

– Ничего, – спина Ани стрункой вытянулась вверх. Она посмотрела на родителей и, поняв, что они не смотрят в ее сторону, добавила: – Хотела записать свои мысли о Германии. Мне понравилось, особенно дворец, а тебе?

Никита обрадовался возможности снова поговорить об их завершающемся путешествии и возбужденно ответил:

– А мне пушки в Конишае... Коних... в крепости, вафли с кедровым мороженым, фонтаны возле того черного здания, еще... эээ... – приятные воспоминания столпились в одну кучу, и стоило немалых усилий, чтобы разложить их по местам.

– Мама только была грустной, – задумчиво сказала Аня. – Ей, наверное, было скучно с нами.

Никита отвлекся от загибания пальчиков и стал серьезным.

– Это папа ее обидел. Я слышал, как он ругал ее за что-то, а потом она плакала.

– Плакала? Мама? – удивилась Аня. В последний раз она видела мамины слезы лет пять назад, когда маленький Никита перевернулся и упал с дивана, сильно ударившись головой о пол.

– Ну да. Она часто плачет. Когда никто не видит. Но я вижу и слышу иногда. По-моему, папа нас не любит.

Аня закусила губу, чтобы самой не расплакаться. И сде-

лала вид, что рисует узоры в блокноте, чтобы не продолжать эту тему. Но ей хотелось поскорее отвлечься от грустных мыслей, и поэтому она спросила:

– Как думаешь, кем мы станем, когда станем взрослыми? Я вот, например, хочу быть танцовщицей и выступать на сцене. Но мне уже поздно учиться... А ты?

– А я буду строить самолеты, – мечтательно ответил Никита. – А потом полечу на них в космос.

Аня хихикнула:

– Для космоса ракеты нужны. А зачем тебе в космос? Там скучно.

– Скучно?! Это здесь скучно. А там... – он посмотрел в иллюминатор и забыл, что хотел еще сказать. Он уже улетел в те же края, где наполнялась кристальным светом звезд его мама.

Ступив вновь на землю, Камилла прислушивалась к себе и все больше чувствовала разницу между тем, какой она улетала, и тем, какой вернулась. Похоже, в набитом чемодане в грузовом отсеке авиалайнера нашлось место для уверенности в себе и чему-то еще, чего пока она не понимала. Что-то, похожее на ключ, который подходил ко всем замкам всех миров, отныне лежало в потайном кармане, согревая ее приятным теплом. И даже холодный сырой ветер, что пронизывал всех зевающих пассажиров, не вызывал в ней дрожи. Камилла по очереди смотрела на каждого члена ее небольшой семьи и таинственно улыбалась каждому. И лишь Ни-

кита улыбнулся ей в ответ, да так широко, что все те, кто стоял рядом, не удержались от удовольствия растянуть сжатые губы в такой же широкой и заразной улыбке, как у этого очаровательного мальчугана.

Глава 5

Возвращение к рабочим будням оказалось более легким, чем ожидала Камилла. Она с радостью нырнула в привычный круговорот дел и возобновила подготовку к новому учебному году. После того, как ее, кандидата философских наук, назначили заместителем декана университета, обязанности стали угрожать ей дефицитом времени на погружение в любимую науку, похожую на лазурную бесконечность океана, обнимающего нашу планету. Бесконечность, в которую выпадают все науки, события, эмоции... все существующее на земле. И плыть в которой Камилле являлось величайшим удовольствием. Но теперь все больше внимания требовали безликие бумаги, сквозящие пустотой. И лишь предвкушение лекций и семинаров с отдохнувшими за лето студентами помогало ей сохранять бодрость и вдохновение.

В один из тех дней, после которых единственное, чего хочется, это всего лишь порция здорового сна, Камилла получила долгожданную посылку. Расправившись с полиэтиленом, который буквально вцепился в деревянную коробочку, Камилла ахнула от восторга. Внутри, среди декоративной соломы, хранился ее кулон, а рядом маленькая свернутая записка, которой она обрадовалась даже больше, чем возвращенному украшению. В ней аккуратным почерком было выведено: «Надеюсь, помог. Артур». Затем она присмотр-

релась к изделию: внутри аквамаринового сердца сияло маленькое сердечко из платины или белого золота. Артур вырезал из кристалла половинки фигуры, символизирующей любовь, и аккуратно залил драгоценным металлом получившуюся емкость, соединив кулон вновь в одно целое. Затем он поместил голубое аквамаринное облако в серебристую оправу из того же металла, закрепив его в нем изящно и надежно. Камилла была поражена мастерству, с которым Артур справился с задачей. Она нашла на почтовом пакете его адрес и телефон и быстро набрала цифры на запотевшем экране мобильного телефона. Но нажать на кнопку вызова оказалось непросто. Дыхание сбилось, горло сжалось, а по животу пустили разряды электричества. Камилла отложила телефон и нахмурилась. Посидев минуту без движения и восстановив дыхание, она решительно позвонила Артуру. Но когда в трубке послышался до головокружения знакомый голос, решительность, откланявшись, быстро спряталась за кулисы.

– Здравствуйте! Могу я услышать Артура?

Ей не хотелось признаваться ему в том, что она запомнила его голос. Глупо? Да, пожалуй. Но об этом она подумает потом.

– Добрый вечер, Камилла! Это я. Вы получили изделие?

– Да... И хотела поблагодарить. Это восхитительная работа! Как Вам удалось?

Камилла почувствовала, как Артур улыбнулся. А потом

прошел несколько шагов до окна и посмотрел на пунцовый закат. И сама сделала то же самое.

– Я старался, – только и ответил он. Обсуждать профессиональные тонкости ему не хотелось. – Так что там у вас сегодня в меню в столовой?

Камилла усмехнулась и перечислила блюда, которые были в обед.

– Отлично! Выезжаю, – услышала она в трубке за секунды до коротких гудков. Телефон снова запотел, а ноги стали чугунными.

На том работа и остановилась. Документы с разработками учебной программы остались пребывать в хаотичном порядке, вперемешку с канцелярскими предметами. А ветерок, с которым Камилла умчалась после короткого сообщения, разбросал их еще сильнее.

Спускаясь по лестнице, она увидела, как из стеклянных дверей в холл университета вошел Артур. Он с ностальгией огляделся вокруг и, заметив Камиллу, быстро подошел к ней, улыбаясь озорной мальчишеской улыбкой.

– Еще раз здравствуйте! Ничего, что я так нагло напросился?

Камилла смотрела на него, избегая прямого взгляда в глаза, чтобы не выдать своего волнения. Она была уверена, что ее лицо отражало все, что творилось внутри, и впервые за всю жизнь пожелала оказаться в парандже.

– После того, что Вы сделали? Да я готова всю жизнь приглашать Вас в столовую и кормить с ложки, рассказывая

сказки.

Ну вот, еще одна глупость полетела снарядом в его впечатление об ее интеллекте. «Молчание – золото», – повторяла себе Камилла. Но молчать не хотелось.

– Мне хотелось бы поблагодарить Вас не только на словах, но и материально. Примите, пожалуйста, – сказала она, когда они сели за дальний белый столик у окна, и протянула конверт. Но Артур отказался, молча покачав головой. Тогда она продолжила:

– Мне неловко. Чем я могу порадовать Вас в ответ?

Артур пристально посмотрел ей в глаза и ответил серьезнее, чем хотел:

– Своей улыбкой. Вам очень идет быть счастливой.

Она больше не отводила взгляд. Она больше не боялась. Она говорила ему глазами все, что чувствовала. И слышала его мысли. Они не успевали становиться словами – в этом и не было смысла. Камилла понимала. Они вспомнили все... и вновь забыли. Но энергии, проникшие сквозь границу времен, остались витать между ними искорками света, по очереди озаряя их сердца и вызывая мурашки.

Когда Артур уехал, Камилла поняла, что по-прежнему практически ничего не знает о нем. Или знает? Разговоры лились рекой, но в них было мало стандартных вопросов. Лишь пара фраз о деятельности, составлявшей их будни. Подходя к кабинету, она встретилась с ректором.

– Камилла Викторовна, я Вас искал. Будьте добры, зайти-

те ко мне, как освободитесь, есть разговор.

– Хорошо, сейчас подойду, – ответила она, немного напрыгшись. Камилла зашла за ежедневником и сумочкой. Выходя из кабинета, она снова достала украшение и прикоснулась к нему пальцами. Зачем – она не знала. Но так было нужно.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – сказал Степан Васильевич, когда вошла Камилла. – Дело вот в чем. Сегодня я узнал о том, что Лариса Львовна увольняется. Она попросила отпустить ее как можно раньше в связи с какими-то личными обстоятельствами. И получается, что у нас теперь нет преподавателя психологии. А скоро сентябрь! Нужно как-то решить проблему.

Камилла вспомнила разговор с Артуром: «...И сейчас я снова в свободном плавании. Закончу ремонт и попробую вернуться в МСПИ».

– Минутку...

Она набрала верхний номер в списке вызовов:

– Артур, Вы еще не далеко уехали? Можно попросить Вас вернуться?

Глава 6

Наблюдая за танцем мохнатого шмеля вокруг засыпающих головок георгинов, Камилла сидела, прижимая кружку с ромашковым чаем к губам. Рядом с ней стоял прозрачный кувшин с родниковой водой, украшенный тысячами пузырьков, в которых отражались перламутровые переливы солнца, плывущего по небу в сторону горизонта. Здесь, на небольшом отрезке дачного поселка, все напоминало о маме. На протяжении многих лет Камилла бережно сохраняла ту атмосферу, что напоминала ей о счастье тех дней, когда мама была жива. И стремилась стать такой же, какой ее помнила, находя в этом дополнительную ниточку, что продолжала связывать их, несмотря на кажущуюся пропасть между ними.

Камилла относилась к категории тех женщин, которые с некоторой долей гордости считали себя «идеальными жёнами». Ей доставляло удовольствие движение по протоптанной дорожке, по которой шли все те, кто когда-то также выбрал путь идеала. С ранних лет она отыскивала на книжных полках магазинов и бабушкиных стеллажей большие, толстые энциклопедии, чтобы узнать, что же означает быть женщиной и чего от неё ждут другие. Она жадно впитывала в себя главы о том, как вести хозяйство, как отстирывать сложные пятна, как правильно общаться с мужем, чтобы вдохнов-

лять его на ежедневные подвиги и способствовать его развитию. Разделы с кулинарными рецептами были затерты едва ли не до дыр, сочетаясь местами с частицами муки и свекольным пятном, за что она потом в течение многих лет испытывала стыд. Ещё будучи девочкой, Камилла все свое свободное время тратила на мечты о том, какой прекрасной хозяйкой, женой и матерью она станет, когда вырастет, а образ того, как она нежно покачивает на руках своего первенца, напевая ему тихую песню, в простом, голубом домашнем платье, вызывал в ней столь же трепетные чувства, что и молитва, с которой она начинала каждое утро. Чуть только первый луч солнца касался её прозрачных окон, она открывала глаза, быстро вставала, умывалась холодной водой и принималась за молитву. Быстро проговорив все необходимые слова, она поднималась с колен и шла готовить завтрак для своей семьи. Её главным огоньком в глазах служил образы довольного папы и удивлённой сестрёнки, которая обычно вставала ближе к полудню.

Отец же, казалось, никогда и ничему не удивлялся. Долгое время Камилла старалась обратить его внимание на себя, пробуя для этого все, что только приходило на ум: рисовала странные и непривычно яркие картины, громко пела песни и танцевала, устраивая с сестрой, порой, целые представления для семьи. Но он погас после потери супруги. Будто внутри него что-то ушло вместе с ней, а осталась лишь оболочка, продолжающая движение по инерции, по привычно-

му кругу, в котором не было больше никакого смысла, кроме поддержки детей. Безразличие его сквозило во всем и больно ранило девочек. Как-то раз, к папиному дню рождения, Камилла освоила искусство вязания и связала ему целый свитер, строго по схемам из журнала, но за те месяцы, которые она потратила на работу, отец поправился, и мягкий, серо-голубой свитер, который плотно обтянул папин живот, тут же отправился на самую высокую полку «до лучших времен». Получив в ответ краткое «спасибо» и проводив взглядом результат своих стараний в шкаф, Камилла лишь тихо вздохнула и выскользнула на улицу.

В тот вечер она приняла непростое для себя решение, которое заключалось в обещании себе оставить попытки понравиться папе и заслужить его внимание. Потеряв маму, она отчаянно нуждалась в любви, которая помогла бы ей справиться с потерей. Она и не подозревала, что главный источник находился внутри нее и искала его долгие годы в близких, которые все больше отдалялись от ее беззвучного крика о помощи.

Разочарование вползло через её открытое сердце, свернулось клубком и наполовину заслонило его от лучей света. Камилла нехотя, но уверенно повесила на себя ярлык недостойной любви девочки и судорожно выдохнула. С тех пор она старалась реже попадаться отцу на глаза, все чаще предпочитая тишину и одиночество. Её тонкие, нежные руки опустились, как и плечи, в которые она втянула голову, словно

желая стать меньше.

Как часто неведомы отцам чаяния в трепетных сердцах дочерей! Если бы они только знали, что в их словах, жестах, взглядах, поступках таится острое перо, которым они высекают узоры в будущем юных принцесс... Осознанный мужчина пропускал бы каждое движение сквозь призму тепла и любви, не сковывая и не навязывая свое видение родному чаду. Он видел бы в своём отцовском предназначении особенную важность в том, чтобы познакомить маленькую женщину с природой мужского мышления, особенностями мужской энергии в самых чистых проявлениях. Он понимал бы роль внимания, ненавязчивого и одобряющего, которым иной раз можно решить даже самую, казалось бы, неразрешимую проблему, просто сев рядом и выслушав.

Девичьему сердцу ведь многого и не надобно: промочив воротник папиной рубашки горячими слезами и почувствовав его широкую ладонь на хрупкой спине, мы наполняемся могучей силой и уверенностью. Наши корни крепчают, а по ветвям, словно горные ручейки, протекает любовь, оживляя и вдохновляя все на своём пути, растворяя страхи, создавая настоящее волшебство, о котором втайне мечтает каждый из нас.

Но едва ли не в каждой семье истинная роль отца забыта и потеряна где-то на страницах истории Земли. Встревоженное войнами, переворотами, необходимостью выживать мастерство воспитания блекло и вскоре растворилось в густом

воздухе, в котором больше не было места лёгкости, к которой стремится каждая душа. В плотной реальности, туманом окутавшей те времена, мрачным рельефом возвышались проблемы настоящего и страхи будущего. Человек, позволивший загнать себя в угол, позабыл, каково это – ощущать свое дыхание, прислушиваться к телу и слышать истинные желания, минуя навязанные обществом установки, каким тебе следует быть, чтобы тебя приняли и не осудили. И, конечно же, воспитывая своего ребенка, на его чистом белом листе сознания он, прежде всего, рисовал то, к чему привык сам, таким образом, передавая из поколения в поколения одни и те же убеждения, часто ошибочные или настолько индивидуальные, что только они одни способны были обрубить множество корней нашей связи с миром.

Иногда, в редкие минуты внутренней тишины, Виктор Михайлович отворачивался лицом к окну и делал вид, что читает книгу. Он и в действительности начинал читать первые строки, но вскоре буквы начинали выстраиваться в другие слова, формируя совершенно иные образы, нежели было задумано автором лежавшего на коленях произведения. В последнее время он все чаще вспоминал Аленьку – свою покойную жену. Виктор Михайлович ни разу не проронил ни слезы – ведь его с детства учили быть сильным и не показывать своих чувств окружающим. И в области согнувшейся груди образовался комок, состоящий из несказанных фраз и невыраженных чувств цвета всепоглощающей тоски. Ни-

кто не знал о том, что за этим комком скрывалось кладбище из похороненных желаний. Еще будучи мальчиком, Виктор научился быть тем, кем его хотели видеть: старшим ребенком и единственным мужчиной в семье, которому некогда возиться со своей душой и разбираться в чувствах. Физический труд, за который он получал копейки, забирал все силы, а вместе с ним и желание творить свою жизнь по собственному проекту, где есть место мечтам. Так и остался один лишь каркас: выживание. После знакомства с Альбиной и, в особенности, после рождения дочерей, его чувствительность начала пробуждаться в нем, но проявлялась так неуклюже, что, казалось, больше отпугивала от него близких, чем его кажущаяся отстраненность. Делая попытки сближения с девочками, Виктор Михайлович прекрасно осознавал количество километров между ними и, приближаясь к проблеме, испуганно пятился назад, боясь сделать только хуже. Но втайне от них, он наблюдал за тем, как они прекращаются в прекрасных женщин, и в его спрятанное от всего мира сердце наполнялось щемящей нежностью и восхищением.

Камилла... Белоснежная голубка, несущая мир и покой своим кротким нравом и способностью глубоко любить все живое. Постоянное стремление к идеалу, чистота мыслей, смирение и покорность – с этими качествами любой мужчина с радостью взял бы ее в жены. Максиму очень повезло, но, очевидно, что он сам не понимает или не хочет понимать ее. Виктор Михайлович хмурился, наблюдая за заметной от-

страненностью Максима, но не вмешивался в их отношения. Возможно, Максим просто не проявляет своих чувств, как и он сам, но это не отрицало их существование. Виктор Михайлович любовался и гордился Камиллой, но никогда не показывал этого внешне, боясь «перехвалить». Он замечал все попытки Камиллы привлечь его внимание и намеренно оставался неприступной скалой, чтобы развить ее изобретательность и целеустремленность. Забывая о том, что без проявлений отцовской любви второе крыло не развивается, и впоследствии женщина отчаянно ищет любви извне, чтобы познать радость полета.

К младшей дочери, Яне, Виктор Михайлович питал совершенно другие чувства. Она с пеленок напоминала маленькую бандитку, которой нравилось переворачивать вверх дном все, к чему она прикасалась. Ее бунтарская природа напоминала ему о собственной, которую он с болью заглушал в себе все эти годы, подстраиваясь под обстоятельства, и потому вызывала в нем раздражение. Яна мастерски раскапывала и поднимала в нем на поверхность все неприглядные стороны его характера, а также с ярким фонарем пыталась раскопать его детские мечты, чем досаждала и отдаляла его от себя и семьи. Уязвленный после стычек с дочерью, Виктор Михайлович, недовольно рыча, возвращался в свою привычную среду обитания, закрывался книгой, как дверью, и уносился в воспоминания...

Погруженная в свои мысли, Камилла слышала голоса

из летнего домика, которые становились все громче. Яна снова спорила с отцом, а Марго, трехцветная кошка со смешным черным пятном под носом, которая летом жила на даче, убежала оттуда и прыгнула на колени к Камилле, щекоча ее дергающимся хвостом. «Что они снова не поделили?» – устало спросила у нее Камилла. Вскоре крики стали утихать, и жаворонок на яблоневой ветке вновь продолжил свою песню, посвященную уходящему лету. Камилла облегченно вздохнула и продолжила вышивать мыслями картину произошедших событий на белом полотне сознания.

Вдруг она почувствовала теплое прикосновение руки к своему плечу. И через секунду на свободное ротанговое кресло, опустилась Яна, с присущей ей грацией и легкостью.

– Что там у вас случилось? – сказала Камилла, с ленивым прищуром любуясь каждым движением сестры. В ответ та лишь улыбнулась. Затем, сладко потянувшись, она запустила пальцы в волосы и ловко принялась заплетать их в длинные косы.

– Ну ты же знаешь папу...

Камилла подняла правую бровь и ответила:

– Знаю. Как и тебя. Поверь, иногда лучше промолчать.

Яна сделала вид, что не услышала, и постаралась отвлечь внимание с себя на что-то другое.

– Как ваш отпуск? Дрезден прекрасен, правда?

Настроение Камиллы стремительно приблизилось к нулю, когда она сопоставила свои ожидания и итоги.

– Да... Но сам отпуск... Знаешь, там кое-что случилось.

Желание поделиться бушующими чувствами одержало победу над обещанием, данным себе, не думать о том, о ком думать было нельзя. И Камилла рассказала о встрече, которая положила начало изменениям, в которых пока еще трудно было разобраться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.